

Павел
Крусанов
Хождеиие
по буквам

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

Книжная полка Вадима Левенталя

Павел Крусанов

Хождение по буквам

ИД «Флюид ФриФлай»

2019

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6

Крусанов П. В.

Хождение по буквам / П. В. Крусанов — ИД «Флюид ФриФлай»,
2019 — (Книжная полка Вадима Левенталя)

ISBN 978-5-906827-09-8

Рассуждения писателя о книгах – как и композитора о музыке, художника о живописи – всегда интересны: ведь перед нами не холодные наблюдения стороннего исследователя, а ревнивый взгляд одного мастера на работу другого. Вдвойне интересно становится, когда о коллегах высказывается мастер поистине выдающийся. Перед вами первая книга статей о литературе именно такого мастера – знаменитого писателя Павла Крусанова.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906827-09-8

© Крусанов П. В., 2019
© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Содержание

Предварительное слово	6
Часть 1. Дистанция	7
Николай Гумилёв: дайте ему кусок камня	7
Шинель Замятина	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Павел Крусанов

Хожение по буквам

© П. Крусанов, 2019

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

© П. Лосев, оформление, 2019

Предварительное слово

Зачастую случается, что в процессе буйства воспалённого творческого темперамента человек, таким темпераментом наделённый, производит некий непреднамеренный добавочный продукт – что-то вроде фигурных почеркушек, какие поэты прошлого оставляли на полях своих черновиков. Иной раз это полная ерунда, иной раз забавный штрих к портрету незаурядной личности, иной раз ещё одно полноценное измерение, неожиданная грань щедрого таланта, а бывает и так, что этот добавочный продукт в итоге превосходит по ценности то, чему сам автор изначально отводил роль основного творческого капитала. Нечто подобное, в частности, случилось с Салтыковым-Щедриным, мнившим себя государственным чиновником, и с Бородиным, которого Менделеев считал талантливым химиком, попусту тратящим драгоценное время на музыкальные штудии. Да много с кем ещё.

Статьи, очерки и рецензии, собранные в этой книге – именно такой добавочный продукт творческого буйства, соответствующий, как мне видится, приблизительно третьей форме приведённой выше табели о рангах. Если читателю покажется, что я ошибаюсь, готов выслушать его аргументы. Написанные по случаю – в качестве журнальной публикации, материала в коллективный тематический сборник или экспертного отзыва для сайта литературной премии, – сейчас эти статьи и рецензии пообтёрлись, привыкли друг к другу и пришли к согласию относительно обретения общего дома. И я их в этом решении поддерживаю, поскольку испытываю недоверие, а зачастую и эстетическое отвращение к открытым площадкам безответственного высказывания, которыми заполнен интернет и вообще всё вокруг. А именно там, на этих площадках, в среде невнимательной, злонамеренной и агрессивной, приходится коротать дни этим текстам – по большей части в разрозненном и зачастую случайном виде. Другое дело книга – она по-прежнему, несмотря на козни беспардонных технологий, остаётся надёжным убежищем (иллюзионом/хранилищем/лабиринтом), куда заходит тот, кому это действительно для чего-то нужно.

Ну вот, предыстория раскрыта. А теперь милости прошу – это убежище разом иллюзион и хранилище стремительно осыпающихся с дерева вечнозелёной литературы и шуршащих под ногами букв.

Павел Крусанов

Часть 1. Дистанция

Николай Гумилёв: дайте ему кусок камня

Обычно, когда перед записью в студии меня, словно пытаюсь погрузить в сон, просят посчитать слонов, я, вместо «раз-два-три», читаю эти строки:

Как в этом мире дышится легко!
Скажите мне, кто жизнью недоволен?

Оператор настраивает микрофон, а я настраиваю себя. Потому что нет в русской литературе другого певца отваги и света, паладина чести, доблести и долга, от одного прикосновения к поэзии которого ты сам, точно лёгкий шарик, наполняешься духом весёлой дерзости. И если кому-то взбредёт в голову отыскать в прошлом и предъявить городу и миру эталон солнечного русского, человека действия, образец беззаветного романтического служения самому понятию о благородстве, то первым кандидатом, безусловно, будет он – Николай Степанович Гумилёв, поэт, странник, солдат.

Он был одним из тех редких людей, чьи поступки, равно как и сама судьба, уже при жизни (а тем более посмертно) становились материалом для мифотворчества. За его плечами, кроме его неизъяснимых стихов, три путешествия в загадочную Африку, Первая мировая, на которую он отправился добровольцем, боевые награды, публичные заявления в пору революционного террора о своих монархических взглядах, причастность к офицерскому контрреволюционному заговору, арест, приговор, расстрел. Его стихи были естественным продолжением его аристократической (по духу) натуры. Даже чекисты поражались, с каким непоколебимым достоинством он держался на следствии.

Во время последней экспедиции в Африку Гумилёв, по собственному признанию («я бельгийский ему подарил пистолет и портрет моего государя»), преподнёс чернокожему колдуну фотографию императора Николая II. Преподнёс, не имея дурных намерений, – так гость дарит хозяину на память частицу своего мира. Однако впоследствии этот факт лёг в основу предания: колдун («вплоть до моря он славен своим колдовством») воспользовался подарком в скверных целях и совершил над изображением государя зловещий ритуал. Как следствие – революция в России и трагедия царской семьи.

После расстрела Гумилёва друзья сочинили в утешение его старой матери историю, будто бы её сын чудесным образом спасся – бежал из-под стражи и уехал из России. Старушка до конца жизни (она пережила сына на год) верила, что её Коленька жив и странствует по далекому Нигеру, распевая в его честь гимны:

Бегемотов твоих розоватые рыла
Точно сваи незримого чудо-моста,
И винты пароходов твои крокодилы
Разбивают могучим ударом хвоста.

Впоследствии эта легенда легла в основу романа Андрея Лазарчука и Михаила Успенского «Посмотри в глаза чудовищ», самого обширного на данный момент мифологического предания о Николае Гумилёве.

Но кроме мифологии есть и биография, хотя у истории, как известно, больше доверия к прямой выдумке, чем к пресному факту. Подробности жизни Гумилёва сегодня каждый может легко почерпнуть путём нежного нажатия на экран айфона. Поэтому кратко.

Николай Степанович Гумилёв появился на свет в твердыне Балтийского флота городе Кронштадте 3 (15) апреля 1886 года. Отец – военный корабельный врач. Мать – потомственная дворянка (в девичестве Львова). Говорят, акушерки в Кронштадте завязывают пуповину младенцам особым морским узлом, так что всех, кто родился в этом городе, в любом возрасте можно опознать по форме пупа. Здесь, в Кронштадте, судьба-повитуха завязала свой первый узел на линии жизни младенца Николая, вплетя в него, как напутствие, морскую романтику, доблесть и славу его малой родины. Не отсюда ли флибустьерские мотивы его поэзии, поэзии действия и воли, не потому ли стихи его – «песни битв», не отсюда ли рано проявившаяся страсть к путешествиям?

Когда отец вышел в отставку, семья Гумилёвых переехала в Царское Село, символическое, прямо скажем, для русской поэзии место. Здесь Николай поступил в Царскосельскую гимназию, где должность директора исполнял «последний из царскосельских лебедей» поэт Иннокентий Анненский. Потом Николай провёл два года с родителями на Кавказе, в Тифлисе, после чего семья вновь вернулась в Царское Село. В девятнадцать лет у Гумилёва выходит первый поэтический сборник «Путь конквистадоров». Через год Николай оканчивает гимназию и, отказавшись от морской карьеры, которую прочил ему отец, едет в Сорбонну изучать французскую литературу. Вскоре, выпустив в Париже сборник «Романтические цветы», Гумилёв, не поставив в известность даже родителей, отправляется в своё первое путешествие – Турция, Греция, Египет. После чего, в 1909–1910 годах, – новая, уже более серьёзная экспедиция в Африку. Вернувшись в Россию, Гумилёв женится на Анне Горенко (Ахматовой), с которой знаком ещё по Царскому Селу, они вместе путешествуют по Европе, а вскоре по возвращении – ещё одна экспедиция в Африку, куда Гумилёва командирует Российская академия наук для сбора этнографического материала (он привёз из этой поездки роскошную коллекцию для Музея антропологии и этнографии, известного как Кунсткамера). А в промежутках между странствиями – стихи, влюблённости, журнал «Аполлон», где Гумилёв печатает свои знаменитые «Письма о русской поэзии», «Цех поэтов», в котором Гумилёв становится признанным синдиком – мастером, акмеизм, издательство «Гиперборей», «Африканский дневник».

Однако же – почему Африка? Откуда такое стойкое пристрастие?

Существует мнение, что в поэзии Гумилёва *мало русского*. Что, ловя чутким слухом художника сулящие грядущую катастрофу шумы истории, он отстранялся от действительности, творил свой поэтический, полный энергии воли и романтики мир, чтобы погрузиться в него и в нём обрести достойную себя реальность. И Африка здесь – воплощение мечты о самой дальней дали, предельной чужести, едва ли не потусторонней нездешности. Ой ли? Да, Африка далека, но почему же – *мало русского*? Ведь тяга к трансцендентному, к нездешности и есть по существу художественное воплощение инстинкта империи, ген которой есть в каждом русском, – объять пространство во всю его ширь и нести на плечах бремя ответственности за то, что Господь позволил тебе взять. Инфантильная безответственность, «майдан головного мозга», как удачно выразился один сегодняшней публицист, – болезнь, к которой носителю имперского духа дарован врождённый иммунитет. Гумилёв был отчаянным стихийным империалистом, русским Киплингом и нёс в себе упреждающее бремя ответственности за не обрётённую ещё Африку, как Киплинг – за уже обрётённую Индию. Много ли в «Книге джунглей» *английского*? Да, собственно, всё, поскольку она – порождение британского гения. Так и Африка Гумилёва – порождение гения русского. В конце концов, это его, Гумилёва, строки:

О Русь, волшебница суровая,
Повсюду ты своё возьмешь.

Даже в Африке. Да, у Киплинга было кредо имперского настоящего: «Коль кровь – цена владычеству, / То мы уплатили с лихвой!», а у Гумилёва – кредо грядущего: «Правду мы возьмем у Бога / Силой огненных мечей». В конце концов, Гумилёв был не одинок в своём интересе – перед ним были русские офицеры-добровольцы в Абиссинии Александр Булатович и Николай Леонтьев, а также сотни русских добровольцев, отправлявшихся в Южную Африку на защиту Трансвааля во время англо-бурской войны. В их числе – основатель русской геополитики Алексей Едрихин и подполковник Ромейко-Гурко. Песня про свободный Трансвааль на стихи Глафиры Галиной была популярнейшим русским шлягером начала XX века:

Трансвааль, Трансвааль, страна моя!
Ты вся горишь в огне!

Так что не предельная чуждость влекла Гумилёва в Африку, нет. Он был атомом русского мира, свободным радикалом, имперским кочевником, ищущим не покоя, но приключения (читай – неприятностей), стремящегося к расширению сферы своего присутствия. Отсюда характер – стойкий, озорной, неудержимый. Мать сыра земля не любит кочевников, она любит пахарей, припавших к ней детей, питающихся дарами её чёрного тела. Кочевников любит Отец – потому что они смотрят вдаль и вверх, в просторы небес, которым поклоняются и по звёздам которых сверяют свой путь. Путь куда? Туда, где они достигнут иной земли, которую ощутят как продлённую или вновь обретённую родину. Ощутят то, о чём написал однажды Гумилёв в своём письме из Африки: «Каждый вечер мне кажется, что я или вижу сон, или, наоборот, проснулся в своей родине». Какая же это чуждость? Напротив, скорее, это – зов крови. Разумеется, зов метафизический. И вполне очевидный. Ведь именно горячая кровь Африки зажгла солнце русской поэзии. Пушкин для Гумилёва был неоспоримым авторитетом – как же устоять и не отправиться к истоку этой реки?

Африка и сегодня манит русских, но иначе. Сейчас для русских Африка – это Шарм-эль-Шейх, Хургада и солнечные пляжи Туниса. Сегодня русские – не имперские кочевники, они не ищут приключений (читай – неприятностей), они ищут туры «всё включено» и гарантированный комфорт. Африка Николая Гумилёва совершенно другая:

Мы рубили лес, мы копали рвы,
Вечерами к нам подходили львы.

Но трусливых душ не было меж нас.
Мы стреляли в них, целясь между глаз.

Африка была сначала вымечтана, а затем обретена Гумилёвым. Как поэт он созидал эту романтическую мечту; как личность он её жаждал; как трансцендентный имперский кочевник он был способен эту мечту осуществить и был одержим её претворением.

С началом Первой мировой Николай Гумилёв отправляется на фронт вольноопределяющимся. Из громко уже заявивших о себе русских поэтов их было двое, ушедших на войну добровольно, – Гумилёв и Зданевич. Остальные, включая *откосивших* Маяковского и Есенина, предпочли остаться в тылу. Был ли у Гумилёва выбор? Никакого – ведь он аристократ духа и монархист, он, как атом русского мира, несёт в себе бремя ответственности за весь этот мир целиком, и все его права – лишь производная от его священного долга. Гумилёв служит в кавалерии. Он мужествен и стоек, благороден и беззаветно храбр, свидетельство тому – два солдатских Георгия, которые даются только за личные боевые заслуги. Это в порядке вещей –

имперский кочевник презирает смерть и героичен по определению. В 1916-м он получает чин прапорщика.

Вот она, война Гумилёва:

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвёртый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

...

Словно молоты громовые
Или волны гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьётся в груди моей.

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

Его война описана им в «Записках кавалериста», пронзительной документальной прозе.

Революция застала Гумилёва во Франции, куда он незадолго перед тем прибыл в составе Русского экспедиционного корпуса. В 1918-м он возвращается в Петроград. Потом – ДИСК, «Всемирная литература», статьи, переводы, критика, лекции и стихи, стихи, стихи...

В начале августа 1921 года Николай Гумилёв, человек редкой личной отваги, всегда ставивший честь выше жизни, был арестован по делу об участии в контрреволюционном заговоре. Через двадцать дней, 24 августа, по постановлению Петроградской ГубЧК его расстреляли: как выяснилось, не за участие – за доношительство. Место захоронения неизвестно.

Так ушёл Гумилёв – поэт, путешественник, человек, целый мир.

Его называли Андре Шенье русской революции – автор «Оды к Шарлотте Корде» пал жертвой якобинского террора. Но к чему эти сравнения? Тем более что Гумилёв для русской литературы куда важнее, чем Шенье для французской. Если уступить «бесу аналогий», то Гумилёв, скорее, – русский Киплинг. О чём уже упоминалось. То есть фигура совсем другого масштаба.

Это всё о нём, о Николае Степановиче Гумилёве. А теперь о нас, многогрешных.

Для нас сегодняшних Гумилёв, аристократ духа, человек действия, солнечный русский, вполне мог бы служить маяком, ориентиром, да что там – флагом, гимном и гербом одновременно. Но где алтарь этого героя? Позор на наши головы – да, у поэта нет могилы, куда очарованные звоном его лиры потомки могли бы положить цветы, но ведь нет в нашем городе и ни одного места, где была бы увековечена память о нём. Со времени его реабилитации никто – ни власти, ни очаги общественных инициатив, ни частные инвесторы, ни государственные институты (РАН, Минобороны, Географическое общество) – не предложил выделить Гумилёву и куска камня, который мог бы послужить алтарём его памяти.

В Петербурге есть памятники Пушкину (два), Лермонтову, Некрасову, Жуковскому, есть памятники Ахматовой (три), Маяковскому, Есенину, Блоку, Берггольц, есть памятники Мицкевичу, Тарасу Шевченко, Джамбулу, Мусе Джалилю, Низами, есть даже памятник канадскому поэту французского происхождения Эмилю Неллигану. Безымянной площади на пересечении Московского проспекта и улицы Фрунзе собираются присвоить имя братьев Стругацких. А

что же Гумилёв? Не достоин? Дайте ему кусок камня и увидите, как будет он оплакан. Или опять будем ждать скорбной *круглой даты*? Что ж, мы люди терпеливые, мы подождём. Мы и Шендеровича, как белую горячку, терпели, и Фёдора Бондарчука, как скарлатину.

Подождём. Но место для памятника Николаю Гумилёву всё-таки подыщем. Их, мест таких, в нашем городе несколько – Царское Село (Пушкин), «Тучка» (Тучков переулок, где снимали перед войной квартиру Гумилев с Ахматовой), Невский, 15, у ДИСКА (Дома искусств), где Гумилёв жил последний год и где он был арестован. Но лучше всего было бы прописать памятник в Кронштадте. Именно в Кронштадте – там, где завязали Гумилёву морским узлом пуповину. Этот город и сам по себе символ доблести и чести – они с Николаем Степановичем очень подходят друг другу. Можно сказать, они друг другу к лицу. Гумилёв был сильным, злым и весёлым, он был верен нашей планете – сильной, злой и весёлой. Там, на балтийском ветру, камень Николая Степановича будет на месте, там ему будет хорошо.

Вперёд, общественная инициатива!

Шинель Замятина

Если задуматься, кого из русских писателей можно было бы не кривя душой назвать бесспорным основоположником жанра, придётся испытать определённое затруднение с ответом. Пушкин с романом в стихах? Гоголь с поэмой в прозе? Лесков с притчевым сказом? Достоевский с полифоническим романом? Козьма Прутков с блистательным чёрт знает чем? На поверку, всё перечисленное – лишь особенности авторской речи. Зацепиться, пожалуй, можно лишь за Евгения Замятина – роман «Мы». И тут не поспоришь: Замятин действительно твёрдой рукой прочертил универсальный контур вполне определённого жанра – антиутопии (хотя сам Евгений Иванович с несвойственным писателю его величины смирением считал себя всего лишь последователем Уэллса), – подхваченного мировой литературой, получившего развитие и по сию пору актуального. Более того, речь может идти не просто о жанре, но о своего рода традиции, преемственность которой подтвердили не самые последние на свете авторы: Олдос Хаксли («Прекрасный новый мир»), Владимир Набоков («Приглашение на казнь»), Джордж Оруэлл («1984»), Рэй Брэдбери («451° по Фаренгейту»)… Вплоть до нынешних Татьяны Толстой с романом «Кысь» и Владимира Сорокина с «Днем опричника». Факт, достойный внимания? Пожалуй. Ведь ещё Лев Толстой отмечал, что всё мало-мальски заметное в русской литературе являет собой пример отступления от жёстких правил жанра – то есть представляет своего рода литературную ересь. Тем интереснее ситуация с Замятиным, который не отступал, а, напротив, с инженерным расчётом сам новые правила задал. При том что одним из любимых словечек Замятина было – «еретик». Таковым он считал и себя в своём личном литературном бытии.

Распространено мнение, что писатель – это его книги. Всё остальное может прилагаться (или опускаться) по желанию. Так и есть, книги – это первое и обязательное условие бытия автора как субъекта письма, или перед нами – не писатель. Биография в данном случае уходит на второй план. И это, пожалуй, хорошо, поскольку подчас, глядя на того или иного автора, создаётся впечатление, что у них биографии не было вовсе. Но бывает иначе. Можно вспомнить имена тех, кто прославил себя пером и при этом построил собственную судьбу таким образом, что после него осталась не биография, а мифология – то есть художников, от собственной судьбы неотделимых. Джонатан Свифт, лорд Байрон, Франсуа Вийон, Максим Горький, Николай Гумилёв, Юкио Мисима… Ряд легко продолжить. Сегодня по этому пути идёт Лимонов, строя свою личную историю так, как иные пишут авантюрный роман. Близко к этому ряду, хотя и на особый лад, стоит и Евгений Замятин, поэтому без личной истории тут – никак.

Евгений Замятин – плоть от плоти русской провинции с её дремотной, подёрнутой ряской жизнью, то милой и душевной, то дикой и самодурствующей – родился 1 февраля (20 января) 1884 года в городе Лебедянь Тамбовской губернии. Отец, Иван Дмитриевич, – священник. Мать, Мария Александровна, – неплохой музыкант, капитан домашнего образования. О детстве Замятин писал: «Вы увидите очень одинокого, без сверстников, ребёнка на диване, животом вниз, над книгой – или под роялем, а на рояле мать играет Шопена…» И в другом месте: «Рос под роялем: мать – хорошая музыкантша. Гоголя в четыре – уже читал». Дальше с особым чувством опять о Гоголе (Гоголь будет для нас важен как источник заклатья, подчинившего себе судьбу Замятина):

До сих пор помню дрожь от Неточки Незвановой Достоевского, от тургеневской «Первой любви». Это были – старшие и, пожалуй, страшные; Гоголь был другом.

А фоном:

Всё это – среди тамбовских полей, в славной шулерами, цыганами, конскими ярмарками и крепчайшим русским языком Лебедяни – той самой, о какой писали Толстой и Тургенев.

С 1893-го по 1896-й Замятин учился в Лебедянской прогимназии, где его отец преподавал Закон Божий. Потом – в Воронежской гимназии, окончив её в 1902-м с золотой медалью («Золотая медаль за 25 рублей была заложена в петербургском ломбарде – и там осталась», – напишет Замятин впоследствии в «Автобиографии»). В том же 1902 году он поступил на кораблестроительный факультет Санкт-Петербургского политехнического института. Стоит заметить, что во многих воспоминаниях, столь щедро оставленных потомкам Евгением Замятиным, прослеживается гордое любовное отношение к автору одной из черт своего характера – упрямством, ребяческое упоение собственной «железной волей» (как не вспомнить тут лесковского Гуго Пекторалиса). Ну вот, например, из гимназической поры:

Специальность моя, о которой все знали: «сочинения» по русскому языку. Специальность, о которой никто не знал: всевозможные опыты над собой – чтобы «закалить» себя.

Помню: классе в 7-м, весной, меня укусила бешеная собака. Взял какой-то лечебник, прочитал, что первый, обычный срок, когда появляются признаки бешенства, – две недели. И решил выждать этот срок: сбешусь или нет? – чтобы испытать судьбу и себя. Все эти две недели – дневник (единственный в жизни). Через две недели – не сбесился. Пошёл, заявил начальству, тотчас же отправили в Москву – делать пастеровские прививки.

Или взять мотив выбора института:

В гимназии я получал пятёрки с плюсами за сочинения и не всегда легко ладил с математикой. Должно быть, именно поэтому (из упрямства) я выбрал самое что ни на есть математическое: кораблестроительный факультет Петербургского Политехникума.

Бурление столичной жизни захватило студента Замятина – наравне с учёбой он окунулся в лихорадку политической смуты. Митинги, революционные барышни, красные знамёна, казаки: в 1903-м он участвовал в своей первой демонстрации. Потом – летняя практика на заводах и в портах: Севастополь, Нижний Новгород, Камские заводы, Одесса.

Летом 1905 года Евгений Замятин практикантом отправился на пароходе «Россия» из Одессы в Александрию («Константинополь, мечети, дервиши, базары, беломраморная набережная Смирны, бедуины Бейрута, белый Яффский прибор, чёрно-зелёный Афон, чумной Порт-Саид, жёлто-белая Африка, Александрия – с английскими полисменами, продавцами крокодиловых чулок, знаменитый Тартуш. Особенный, отдельный от всего, изумительный Иерусалим, где я с неделю жил в семье знакомого араба», – из той же «Автобиографии»). А вернувшись с яркими и звонкими впечатлениями, тут же был накрыт новыми – пылающими и грохочущими: в Одессе бунтовал «Князь Потемкин-Таврический». Из свойства характера, требующего от него избегать лёгких путей и всегда поступать вопреки (впоследствии это правило было перенесено и в литературу), Замятин сошёлся с большевиками. «С машинистом „России“ – смытый, затопленный, опьянённый толпой – бродил в порту весь день и всю ночь, среди выстрелов, пожаров, погромов, – писал он. – В те годы быть большевиком – значило идти по линии наибольшего сопротивления; и я был тогда большевиком». В декабре того же года в забастовочном «штабе» на Выборгской стороне Евгения Замятина арестовала полиция за революционную агитацию среди заводских и фабричных рабочих. В итоге – несколько месяцев, проведенных в одиночной камере, где Замятин, закаляя свою «железную волю», изучал

стенографию и английский язык. Однако весной 1906-го, благодаря хлопотам матери, его освободили и выслали из Петербурга в родную Лебедянь.

Вкусив иной градус жизни, в Лебедяни Замятин, конечно же, усидеть уже не мог и летом того же года нелегально вернулся в столицу, в центр бурлящих событий. В конце концов, начатое образование надо было заканчивать. Вот как сам Евгений Иванович описывает тот период:

Повестка: явиться в участок. В участке – зелёный листок: о розыске «студента университета Евгения Ивановича Замятина», на предмет высылки из Петербурга. Честно заявляю, что в университете никогда не был и что в листке, очевидно, ошибка. Помню нос у пристава – крючком, знаком вопроса: «Гм... Придётся навести справки». Тем временем я переселяюсь в другой район: там через полгода – снова повестка, зелёный листок, «студент университета», знак вопроса и справки. Так – пять лет, до 1911 года, когда наконец ошибка в зелёном листке была исправлена и меня выдворили из Петербурга.

Словом, пока полиция искала «студента университета Евгения Ивановича Замятина», дабы выдворить его из столицы, студент Политехнического института Евгений Иванович Замятин продолжал прилежно учиться, в 1908-м окончил кораблестроительный факультет, получил специальность морского инженера и был оставлен стипендиатом при кафедре корабельной архитектуры, где три года, не расставаясь с логарифмической линейкой, чертил чертежи, совершал рабочие поездки по России (Царицын, Астрахань, Каспийское море, Архангельск, Кавказ, Крым) и писал статьи в журналы «Теплоход», «Русское судоходство» и «Известия Политехнического института».

К тому времени относятся и его первые литературные опыты (если не считать стихов, написанных им в одиночной камере, о чём Замятин вскользь упоминает). Здесь, как метафору, можно вспомнить детский эксперимент Замятина с бешеной собакой: «сбешусь или нет?» Гоголь в четыре года стал для него чем-то вроде такой бешеной собаки – только латентный период болезни был дольше, и в итоге Замятин «сбесился». Осенью 1908 года в журнале «Образование» вышел рассказ Евгения Замятина «Один». О нём автор через двадцать лет отзывался следующим образом: «Когда я встречаюсь сейчас с людьми, которые читали этот рассказ, мне так же неловко, как при встречах с одной моей тетушкой, у которой я, двухлетний, однажды публично промочил платье». Гоголь, как мы помним, уязвленный отзывами о своем «Гансе Кюхельгартене», скупил и уничтожил все остатки тиража этой весьма своеобразной поэмы.

После высылки в 1911 году из Петербурга Замятин, обосновавшийся сначала в Сестрорецке, потом в Лахте, так описывал своё состояние той поры: «...высылка, тяжёлая болезнь, нервы перетерлись, оборвались». Болезнь эта – стенокардия, называвшаяся в те времена «грудной жабой». Кроме того, впоследствии в числе своих недугов Замятин упоминает хронический колит – тоже крайне неприятная для нервов штука.

В Лахте Замятин пишет «Уездное» – богатую по краскам и мрачную по духу повесть о той самой родной, дремотной, закоснелой провинции, которую он познал в Лебедяни своего детства. «Уездное» опубликовал журнал «Заветы», редактором которого был Иванов-Разумник, а в числе авторов – Ремизов и Пришвин. Эта повесть принесла Замятину литературный успех и внимание критики, лестно сравнивавшей «Уездное» с «Мелким бесом» Фёдора Сологуба и узревшей там орнаменталистскую манеру Ремизова (Сологуб, прочитав «Уездное», спросил у Ремизова, зачем тот взял себе псевдоним Замятин). Повесть заметил и Горький, который семь лет спустя, когда у Замятина в багаже уже были и «На куличках», и «Алатырь», отозвался об авторе: «Он хочет писать как европеец, изящно, остро, со скептической усмешкой, но, пока, не написал ничего лучше „Уездного“».

В 1913 году по случаю 300-летия дома Романовых Замятин был амнистирован, получил право проживать в Петербурге, но в связи с болезнью по рекомендации врачей уехал в Николаев: по его словам, он «построил там несколько землечерпалок, несколько рассказов и сатирическую повесть „На куличках“». Шутливая параллель между художественным текстом и механической конструкцией в действительности, пожалуй, вовсе и не шутка, тот же Ремизов говорил об особенностях замятинского текста следующее: «Только Андрей Белый так сознательно строил свою прозу, а положил „начал“ Гоголь...» Повесть «На куличках», живописующая будни дальневосточного гарнизона и полная человекоподобных зоологических персонажей, была расценена цензурой как политический памфлет – номер журнала «Заветы» с повестью был конфискован, а редакция и автор привлечены к суду, который из-за грянувшей Первой мировой тянулся долго, но в итоге их оправдал. Однако для публики нет ничего слаще запрещённого чтения, поэтому всероссийская слава Замятину после ареста тиража «Заветов» была теперь гарантирована.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.